

Живой Станиславский

«Система» есть метод к реалистическому воплощению идеи драматурга, а не самоцель.

Я не устаю повторять это и чувствую, что еще все-таки очень часто режиссеры и преподаватели грешат именно в этом направлении. Я даже понимаю, откуда этот «грех» происходит. Научиться преподавать «систему», учить молодых людей быть внимательными, свободными мышечно, общаться — дело сравнительно нехитрое, если приходящая в наши театральные школы и студии молодежь не испорчена дилетантизмом, любительщиной или не побывала в школе противоположного нашего направления, в школе, где учат представлять, а не переживать роль.

Словом, учить каждому отдельному элементу «системы» способного к актерской деятельности молодого человека нетрудно. Соединить все элементы воедино для верного творческого самочувствия актера на репетиции или в спектакле уже гораздо труднее. А направлять все элементы «системы» и творческое самочувствие актера, его мысли, переживания, чувства на роль, на образ, а в конечном счете на сверхзадачу — идею автора — это уже совсем трудно. Надо для этого быть уже не только педагогом, но и режиссером, т. е. самостоятельно мыслящим человеком и художником, широко и полно воспринимающим мир и глубоко понимающим цель и задачи искусства в этом мире.

Эти слова К. С. Станиславского, приведенные в книге Н. Горчакова, определяют все существо деятельности, весь пафос страстных творческих исканий великого художника советского театра. Они могут служить эпиграфом к прекрасной книге, скромно названной «Режиссерские уроки К. С. Станиславского».

По форме своей этот труд — воспоминания, записи репетиций, бесед Константина Сергеевича в процессе его режиссерской, педагогической и актерской работы. Однако менее всего эта книга носит мемуарный характер. Сколь часто еще в мемуарах, которыми так богата наша литература о театре, творческая жизнь того или иного замечательного деятеля сцены отражается не в главных, существенных ее чертах, а поверхностно, фотографически, иллюстративно. Книга Н. Горчакова особенно ценна и поучительна тем, что автор ее, знавший К. С. Станиславского в течение многих лет совместной работы в МХАТ, сумел не только записать богатство и красоту его человеческой натуры, не только рассказать о многообразии его могучего таланта, но и передать будущим поколениям то, что составляет смысл его наследия. Через все главы книги проходит одна основная мысль: театр для Станиславского — высокая общественная трибуна, труд артиста — патристическая миссия, творчество — бескорыстное служение народу.

«Театр — это отныне ваша жизнь, целиком посвященная одной цели — созданию прекрасных произведений искусства, обогащающих, возвышающих душу человека, воспитывающих в нем великие идеалы свободы, справедливости, любви к своему народу, к своей родине», — этими словами встречает Станиславский молодежь, только что принятую в труппу Московского Художественного театра. Они, эти слова, были напутствием будущим актерам и режиссерам, учившимся у Станиславского высокому искусству жизненной правды. О какой бы стороне многообразной деятельности Станиславского ни рассказывал автор, в каждой главе, в каждом примере, взятом из практической работы Константина Сергеевича над тем или иным спектаклем, — всюду торжествует мысль об общественном назначении театра, о главенствующей роли идеи в творческом процессе на всех его этапах.

«Нельзя существовать на сцене, ставить спектакль ради самого процесса игры или процесса постановки. Да, нужно и можно увлекаться своей профессией, нужно любить ее преданной страстной любовью, но не за нее самое, не за те лавры, не за то наслаждение, которое они приносят художнику, артисту, а за то, что избрана вами профессия дает вам возможность говорить со зрителем о самых важных и нужных ему в жизни вещах, дает вам возможность через определенные идеи, которые вы воплощаете на сцене в художественные, действенные образы, воспитывать зрителя, делать его чище, лучше, умнее, полезнее для общества. Это — великая задача театра, о ней особенно надо помнить сейчас, когда в наши театры идут тысячи нового зрителя, до этого времени, быть может, знакомого с театром как явлением искусства лишь понаслышке».

Для чего вы работаете в театре актером? Для чего вы играете сегодня этот спектакль? Во имя чего борются и живут на сцене создаваемые вами образы? Вот те вопросы, те слова, с которыми до конца своей жизни обращался Станиславский к товарищам по искусству. Их читатель найдет чуть ли не в каждой главе этой книги, ими начинаются и заканчиваются замечательные уроки актерского и режиссерского мастерства, которые так бережно и любовно записал автор.

Донести до зрителя идею произведения драматурга, воссоздать на сцене правду жизни и сделать ее, эту правду, понятной и близкой каждо-

О книге Н. Горчакова „Режиссерские уроки К. С. Станиславского“

му, кто пришел в театр, — вот чего добивается Станиславский в каждой своей работе, вот ради чего ведутся бесчисленные экспериментальные поиски, создается «система», придумываются всевозможные упражнения, разрабатывается сложнейшая технология актерского и режиссерского мастерства, закладываются первые камни в основание будущей науки о творчестве. Шаг за шагом раскрывается перед читателем содержание огромной работы, которую вел Константин Сергеевич, создавая правдивые и вдохновенные спектакли МХАТ, проникнутые глубоким ощущением современности.

Пожалуй, самое большое достоинство книги заключается в том, что вся многообразная деятельность замечательного актера, режиссера, педагога, его облик мыслителя, художника, гражданина раскрывается через практическую работу Станиславского в театре.

«Битва жизни», «Горе от ума», «Лев Гурыч Синичкин», «Продавцы славы», «Сестры Жерар», «Мольер» — это не просто названия спектаклей МХАТ, работой над которыми определяются разделы книги; за ними — целая школа актерского и режиссерского искусства от первых, начальных ее ступеней, до самых вершин. В этом есть свой глубокий смысл. Для Станиславского никогда не было упражнений ради упражнений, мастерства ради мастерства, технологии ради технологии. Замечательные открытия, которыми обогатил он наши знания о творческом процессе актера, имеют одну цель — создание «жизни человеческого духа» на сцене, а это, в свою очередь, нужно ему для полноценного образного раскрытия произведения.

Вот почему часами, мужественно проверяя себя на каждом шагу, бился Станиславский над решением, казалось бы, частных, технологических задач, требуя от актеров подлинности переживания. Вот почему был он беспокоен к малейшему отступлению от подлинной художественной правды.

Отсюда — требование совершенной техники, постоянные искания в этой области, вдохновенный, непрекращающийся труд. «Ничто не укрывалось от его глаз...», — пишет Н. Горчаков, — ...Его требования охватывали все стороны актерского мастерства. Актер начинал репетировать с настоящим нервом и темпераментом, но его останавливала реплика Станиславского: «А руки? Что у вас делают руки? Почему вы машете ими, как ветряная мельница? Просту сначала». Актер думал о руках, ограничивал жест — к нему уже летела другая реплика: «Пусто, без нерва, вы забыли линию отношения, вы не разбудили в себе темперамента. Сначала!».

Актер пытался соединить оба требования, но Станиславский спешил предъявить ему новее: «А мысль? Вы неявно подаете мысль, и этим обкрадываете себя наполовину. Просту еще раз...».

Как происходит в человеке-актере перевоплощение в образ, каким законам оно подчиняется? — таков вопрос, который всегда одинаково волновал Станиславского и решению которого он отдал столько сил и труда. И все это — во имя главного.

Читатель найдет в книге десятки волнующих примеров того, как умел Станиславский подчинить раскрытию идеи не только занятый в спектакле творческий коллектив, но и весь сложнейший организм театра, как задолго до начала репетиций начиналась борьба за создание яркого, реалистического спектакля.

«Театр — это не только режиссер, труппа, хорошо поставленная и разыгранная пьеса, это весь ансамбль театра, директор, администратор и гардеробщица. Только так может развиваться новый театр и нести свою культуру зрителю. Кто нарушает это правило, жестоко расстраивается. Театр — это не игра в бирюльки! Это серьезное занятие, а сейчас и дело народное, государственное...».

Народное, государственное дело! — с этих позиций и подходил Станиславский к любой частной задаче, к любой пьесе, над которой работал, будь то драма или комедия, трагедия или водеvil. Показательно в этом отношении его участие в работе над инсценировкой повести Диккенса «Битва жизни», подробно описанное Н. Горчаковым. Как поучительны и глубоко сделанные Станиславским коррективы этого спектакля, показанного ему мхатовской молодежью! Эффектные мизансцены уступили место глубокому внутреннему раскрытию характеров, отдельные яркие, но в ряде случаев самодовольные эпизоды органически впились в русло сквозного действия, четко определилась идея произведения: в сценарийной редакции Константина Сергеевича она стала значительно той, которая была заключена в повести Диккенса, — она стала современной.

На репетициях водевиля «Лев Гурыч Синичкин», описание которых составляет одну из самых увлекательных глав книги, Станиславского интересует прежде всего глубокая социальная, человеческая тема.

Острая, разная сатира, разобла-

чающая современную буржуазию с ее лживой, ханжеской моралью, — вот что интересует и волнует Станиславского в мелодраме Паньоль и Нивуа «Продавцы славы». Может быть, на этом примере особенно отчетливо видно, как ярко и неугасимо светила Станиславскому его «сверх-сверхзадача художника» — сознание своего места в жизни и борьбе народа.

В книге Н. Горчакова, за исключением постановки «Горе от ума», отражается в основном работа Станиславского над пьесами, не обладающими высокими идейно-художественными достоинствами. В ту пору МХАТ делал первые свои шаги по созданию современного репертуара. Тем нагляднее видны на приведенных примерах идейная устремленность Станиславского, направление его поисков, характер его режиссерского творчества.

История постановки пьесы «Мольер» М. Булгакова в этом смысле, пожалуй, наиболее показательна. Высокая принципиальность Станиславского как художника, его последовательная борьба за полноценный репертуар нашли здесь свое яркое выражение. «Сверх-сверхзадача» подсказала Константину Сергеевичу единственно верный, подлинно современный путь сценического воссоздания образов и событий прошлого. С начала и до конца работы над спектаклем Станиславский, сам не принимавший в ней непосредственного участия, прикованный к постели, находил в себе энергию и силы противостоять неверному замыслу автора, настойчиво добиваясь создания произведения о Мольере — передовом человеке и художнике своего времени, в противовес «семейной драме», обедняющей и искажающей облик великого драматурга.

Взволнованно рассказывает Н. Горчаков о неудаче этого спектакля, показавшего в конечном счете всю правоту требований Станиславского. Как завещание великого художника звучат слова Станиславского, обращенные к ученикам: «Никогда не забывайте, что театр живет не блеском огней, роскошью декораций и костюмов, эффектными мизансценами, а идеями драматурга. Изъян в идее пьесы нельзя ничем закрыть. Никакая театральная мишура не поможет. Не изменяйте никогда театру, как самому святому для вас в жизни понятию, и тогда вам не захочется наряжать его в парчу и бархат... Если бы это можно было объяснить всем, кто идет нам на смену...».

Забота о будущем нашего театра, бережное воспитание новой смены советских актеров и режиссеров — эта важнейшая сторона деятельности Станиславского нашла соответствующее отражение в книге Н. Горчакова. С глубоким волнением повествует автор о днях и часах, проведенных в общении с Константином Сергеевичем и Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко. Им, основоположникам МХАТ, обязаны всем его прославленные мастера, ныне успешно продолжающие дело своих учителей. Ведя многообразную деятельность, осуществляя руководство театром, решая сложнейшие научные проблемы актерского искусства, Константин Сергеевич, как и Владимир Иванович, всегда находил время для занятий с молодежью. Он учил ее не только труднейшей профессии художников сцены, он учил молодых актеров и режиссеров слышать, видеть и понимать жизнь, воспитывал в них преданных сынов своего отечества.

Станиславский был строгим и требовательным учителем. Но трудно найти в нашем театре педагога более чуткого, заботливого и внимательно к ученикам. Читая книгу, восхищаешься атмосферой того взаимного доверия, дружбы и уважения, которая неизменно сопутствовала каждому занятию, каждой репетиции Станиславского. С такой заботой и вниманием руководил он работой и самою автором книги, тогда еще только начинавшего свой путь режиссера, с удивительной скромностью передавал он свои огромные знания молодым товарищам по искусству. Все ли наши режиссеры, обладающие опытом и знанием, следуют сегодня этому благородному примеру своего учителя? К сожалению, далеко не все.

Книга Н. Горчакова, воссоздающая страницы бесценной творческой деятельности К. С. Станиславского, устремлена в будущее советского театра, в его завтрашний день. Это — труд большого познавательного и воспитательного значения. Хочется надеяться, что в ближайшем будущем последует продолжение ценной работы Н. Горчакова — новая книга о создании спектаклей о советской действительности. Эта сторона деятельности Константина Сергеевича, наиболее существенная для него как для художника социалистической формации, ждет своего освещения и исследования.

Появление книги Н. Горчакова особенно своевременно сейчас, когда среди самых широких кругов советской общественности, как никогда, возрос интерес к творческому наследию К. С. Станиславского. Практические работники театра найдут в этой книге много ценных указаний, получат ответы на многие волнующие вопросы. Широкие читательские круги найдут в ней много полезных сведений об искусстве театра. Во весь рост встанет перед ними со страниц книги красивая фигура Станиславского — «красавца человека», гордости советской культуры!

В. БОРТКО.